— Обучи меня.

Я совершил ошибку.

Я ошибочно полагал, что этот мир — тот же самый, который я видел в аниме.

Но здесь злодеи не вели многочасовые монологи, давая героям время спасти вас. Они не сражались за какую-то благородную и непонятную цель, в которой можно было найти хоть какое-то подобие истины.

Нет, злодеи этого мира — материальные существа, люди вроде меня, из плоти, крови и совести — родились с силой, и они решили использовать ее, чтобы делать все, что захотят, к черту последствия.

Злодеи этого мира предпочитали жить легко, потому что могли жить легко.

Я тоже хотел жить в легком режиме.

— Папа, ему всего три года, ты же не собираешься…

Энджи поднял руку, чтобы заставить Тойю замолчать.

Его голубые глаза не отрывались от моих.

— Это будет трудно, Шото. Пощады тебе не будет.

Я знал, что я ленив.

В прошлой жизни и в этой я был привилегированным ребенком, родившимся с серебряной ложкой во рту.

Но, в отличие от «до», на этой планете денег недостаточно, чтобы защитить меня, если кто-то из власть имущих захочет меня убить.

У меня были деньги, но я не был могущественным, а если у тебя нет силы, ты ничто в этом мире.

То же самое сказали медики о девушке, лишившейся глаз, на мосту.

Судьба хуже смерти.

— Я не хочу, чтобы ты избавлял меня от боли.

Страдать, чтобы стать могущественным, или страдать от рук более могущественных… какая дилемма.

— Зачем тебе это?

Я сделал паузу, посмотрев на Тойю, а затем вернулся к Энджи.

Если бы я сказал ему, что не доверяю мальчику, он бы не понял. Он назвал бы меня лгуном, если бы я объяснил, что он нарочно оставил меня на мосту.

Но я также знал, что он не станет меня тренировать, если я не скажу ему, зачем мне это нужно.

— Ибо есть вещи хуже смерти.

На лице Энджи промелькнула целая череда эмоций. На краткий миг его плечи опустились, а лицо выросло на метр в длину. Казалось, ему было больно.

Я моргнул.

Его глаза снова стали ледяными, а лицо — непроницаемым, как у статуи. Это был тот самый сильный, властный человек, одно присутствие которого наводило ужас на злодеев в тот день.

Энджи кивнул.

— Если будешь жаловаться — я не буду тебя тренировать. Если не захочешь выполнять упражнения — я не буду тебя тренировать. Если будешь плакать — я не буду тебя тренировать.

Я ожидал от своего отца не меньшего.

…

Тренировки были жестокими.

Первые пару дней мне было так трудно вставать с постели, что приходилось ползти в ванную.

Мои мышцы все еще были слабыми, и мне требовался сон после каждой утренней тренировки, но я чувствовал себя прекрасно. Я чувствовал себя хорошо, зная, что с каждым новым

синяком, с каждым новым ударом, с каждым новым прошедшим днем я становился на шаг ближе к своей цели.

Энджи был блестящим учителем.

Его инструкции были ясными и четкими, и он никогда не тратил энергию на ненужные разговоры.

Он отдавал приказы, а мы с Тойей выполняли работу.

Вначале я занимался только физической подготовкой.

Даже когда его не было рядом, Энджи давал нам упражнения, которые мы должны были делать. Он давал нам памятки с правильным способом разминки, типом и интенсивностью упражнений, которые нужно было делать. В тот момент моя жизнь состояла из бега, бега, бега: бег вокруг дома, бег на холм в лесу, снова бег вокруг дома. Когда ты устаешь, ты бежишь на беговой дорожке, пока не перестаешь чувствовать свои ноги.

Тойя же вынужден был делить свое время поровну между тренировками причуды и рукопашным боем, да еще и школой.

По утрам я тренировался и заучивал основные ката, которые показывал мне Энджи. Он говорил, что я должен вырасти таким же, как и он, и что умение хорошо использовать ноги даст мне большое преимущество перед теми, с кем я сражаюсь.

Я не сразу понял, что в отличие от Тойи, когда он говорил со мной, он никогда не говорил, что я должен научиться тому или иному, чтобы защищаться от злодеев. Он говорил, что я должен защищаться от «других».

С полудня до раннего вечера я ел и спал. Я много спал.

Наш обед заключался в обильном поедании еды, приготовленной служанкой в соответствии с подробными инструкциями Энджи по диете. Я начал задаваться вопросом, откуда он приобрел такие знания, будь то боевые искусства, питание или множество других странных и очень полезных сведений, которыми он обладал: я видел героев как кучку бесполезных людей с более или менее сомнительными познаниями в самых разных предметах, но Энджи не был таким.

Энджи знал, что делать, как делать и зачем делать.

Иногда я чувствовал себя солдатом, который готовится к войне.

Рей это не нравилось.

Она говорила, что я слишком маленький, слишком слабый, чтобы начинать тренировки. Энджи снова и снова повторял ей, что я сам пришел к нему, что это мое решение, но она не хотела его слушать. У нее были все возможные оправдания, чтобы я бросил.

— Мама, если ты запретишь мне тренироваться с ним, — сказал я однажды, — я найду способ тренироваться самостоятельно. Но я не могу обещать, что всегда буду возвращаться невредимым.

После этого Рей оставила меня с Энджи. После обеда я притворялся, что отправляюсь на «экскурсию» в огромный парк, который был нашим садом. Там были целые акры леса, предназначенные только для нас, потому что Энджи любил держать свою личную жизнь в тайне.

Именно там, вдали от всех и вся, я занимался тренировкой чакры.

…

Чаще всего, когда я пытался почувствовать свою чакру, я засыпал.

Для человека моего возраста, которому требовалось тринадцать часов сна в сутки, грань между абсолютным дзеном и глубоким сном была очень тонкой.

Первые несколько недель были суровым испытанием.

Я сидел в лесу ранним вечером, пытаясь лучше понять энергию, которую чувствовал в животе. Достаточно было на секунду потерять контроль над собой, и в следующий момент я просыпался, дезориентированный, на фоне заходящего солнца.

Когда я думал о том, чтобы бросить работу, — а я делал это много раз в первые несколько недель, — я вспоминал маленькую девочку, лежащую на мосту.

Она была жива, но… душевно она погибла.

Для меня это было то же самое, что и смерть.

На ее месте я бы предпочёл быть действительно мертвым.

Чакра была изменчивой энергией, горячей и неуловимой, как твердое вещество, которое превращалось в газ, когда ты пытаешься его схватить. Она текла сквозь мои воображаемые пальцы, как вода, которая не может намочить руку.

Я начал с этого, пытаясь заставить чакру намочить руку. Я даже не представлял, что чакра способна сделать с телом.

Спустя шесть месяцев и три дня после первой попытки у меня наконец-то получилось.

Я был в гостиной, сидел на диване, зарывшись в полтонны одеял, и ждал, когда Энджи вернется домой, чтобы как обычно вздремнуть.

Комикс на подлокотнике соскользнул. Я попытался его поймать.

Думаю, на этот раз вместо того, чтобы попытаться поймать свою чакру, я ее толкнул. У меня есть четкое воспоминание о том, как она ударилась о что-то, как будто о другой внутренний бассейн.

За долю секунды комикс превратился в пепел.

Половина гостиной замерла, даже не успев моргнуть.

Я всегда буду помнить лицо Энджи, когда он обнаружил меня сидящим в одиночестве в комнате, где первая половина комнаты дымилась, а вторая была крепче айсберга.

Энджи был так взволнован, что поднял меня в воздух, его лицо пылало, как у Призрачного гонщика.

— ШОТО-О-О-О-О-О-О!

Я не мог остановиться от смеха.

— ПАПА-А-А-А-А-А!

Думаю, у Рей чуть не случился сердечный приступ, когда она увидела, как Энджи раскачивает меня в воздухе в комнате, наполненной черным дымом.

Когда Фуюми и Нацуо пришли домой из школы, они очень обрадовались, увидев мои причуды. Они пищали, как птицы, и требовали показать им мое выступление.

Я с радостью согласился, так как это давало мне повод использовать их. На этот раз вместо того, чтобы подключиться к бассейну чакры, я подключился непосредственно ко второму бассейну: в моей правой руке появилась мини-метель, а в левой — шипящее пламя.

Я попытался сосредоточиться изо всех сил, но не смог сделать ничего большего. Я

предположил, что использовал свою чакру, чтобы принудительно активировать свои причуды. Чакра служила топливом, чтобы они продолжали работать, как я требовал.

Впервые за много лет я почувствовал себя счастливым.

Наконец-то у меня появилась вещь, которая могла помочь мне выжить в этом мире, защитить себя: чакра.

Благодаря ей и предстоящему времени, пока я стараюсь изо всех сил, все будет хорошо.

Тойя поздно вернулся домой с тренировки по футболу.

Он удивился, когда узнал, что я активировал свои причуды, но улыбнулся и поздравил меня.

Я не помню выражения его лица, но помню, что его левая рука дрожала.

…

Позже в тот день ко мне пришел Тойя.

— Эй, Шо-Шо.

Я сидел на деревянных ступеньках веранды и думал, что делать дальше с моими тренировками. Энджи мог заниматься со мной только три раза в неделю и только по утрам. В остальное время я был свободен, как птица, и, поскольку в школу ходить мне было не надо, у меня было много свободного времени.

Мне нужна четкая, строгая и точная подготовка на ближайшие два года.

Тойя сел рядом со мной, но расстояние между нами было достаточным, чтобы я не чувствовал давления. Я был благодарен.

— Послушай, в последний раз на мосту…

Он замолчал, его губы сжались в тонкую белую линию.

Его левая рука дрожала.

Я подумал, не является ли это побочным эффектом его причуды.

— Я знаю. Я не виню тебя.

Любой человек в здравом уме поставил бы свою жизнь на первое место в подобной ситуации. Не говоря уже о ребенке. Это было несомненно.

— Вообще не винишь? Никаких обид?

Я бы не доверил ему свою жизнь, но я его не винил.

Или теперь, когда ужас закончился, я больше не держал на него зла.

— Никаких обид.

Тойя впервые искренне улыбнулся мне.

В его глазах все еще был странный блеск, но я решил не обращать на это внимания. Думаю, он просто странный ребенок, и беспокоиться не о чем.

Я посмотрел на небо и звезды.

Если бы у меня было достаточно времени, я бы тоже мог жить в легком режиме.

http://tl.rulate.ru/book/98857/3692545